

«Ехал в поезде, попутчики угостили пивом»

За калиткой, кроме вагончиков и бытовок, есть еще и баня со сторожкой. Сами вагончики делятся на мужские и женские. В мужских почти все пространство занимают двух- и трехэтажные деревянные нары. Между ними — небольшой проход. На крохотном кусочке свободного пространства: стол и пара стульев рядом с печкой — «буржуйкой». А у стены, между нарами — большая роскошь — постоянно работающий телевизор. В женских вагончиках чуть уютнее: вместо нар — обычные кровати.

— Здесь — рай, — заявляет Ирина из Буя. — Крыша есть, тепло, баня, кормят, я вот на работу посудомойкой устроилась. Пить, правда, нельзя, но мы в рюмку и не заглядываем, хоть иногда и тянет. Курим, правда, но нас за это не ругают. Кстати, у вас сигареты случаем не найдется?

Ирине 47 лет. Квартиру она потеряла из-за долгов за коммуналку.

— С работой у нас в Буе туго очень, — поясняет она. — Даже уборщицей берут только по большому блату. Представляете: полы мыть — и то по блату? А после сорока вообще никак.

Летом Ирина, как и многие другие буювляне, жила на подножном корму: собирала в лесу грибы и ягоды.

— У нас там у каждого своя делянка, — говорит она. — Многие моложе меня тоже только лесом кормятся. А что делать, если работы нет?

Платить за квартиру она не могла. Когда долги составили 170 тыс. рублей, Ирину выселили по решению суда. Она рада, хотя бы квартира в итоге досталась младшему сыну. Детей у Ирины двое, муж умер в 42 года из-за беспробудного пьянства.

Соседка Ирины по вагончику Людмила из Череповца неохотно признается, что в

Костроме оказалась после того, как побывала в нескольких восстановительных центрах для алкоголиков и наркоманов.

— Одно плохо — не работаю, сижу на всем готовом. Стыдно, — говорит она. — Кому пенсия полагается, те хоть за свет из нее платят. Ире вот хорошо — она работу нашла. А я только документы восстанавливаю: все растеряла, пока кочевала.

У шестидесятилетнего Александра из Шарьи, живущего в соседнем вагончике, дом и вовсе сгорел. Зато работа есть.

— Я при деле, — гордо сообщает он. — Работаю дальнбойщиком, сегодня вот в рейс отправляюсь в Нижний Новгород. А пенсию откладываю на новый домик на родине.

Другой Александр, отвечающий за обустройство и содержание ночлежки, попал в Кострому по чистой случайности. Ехал в поезде, попутчики угостили пивом. Очнулся Александр без денег и документов в костромских кустах в момент, когда его вытаскивали оттуда полицейские. Долго не мог вспомнить, кто он и откуда. Сейчас Александр восстанавливает документы. И когда их получит, собирается сесть за руль старенькой «Газели», принадлежащей городской общественной организации «Воскресение». Именно ее стараниями в городе и появилась 3 года назад единственная на данный момент в Костроме ночлежка.

С работой у обитателей вагончиков, в целом, сложности. Получить ее без регистрации хотя бы по месту пребывания нереально. Но в ночлежке нашли выход: ищущих работу бездомных прописывает у себя в доме знакомый священник. Правда теперь, с учетом последних изменений в законодательстве, и ему, и прописанным, грозят многотысячные штрафы.

— Мы не злоупотребляем — регистрируем только тех, кто может и хочет работать, — говорит основатель ночлежки и председатель совета общественной организации «Воскресение» **Александр Пушкарев**. — Но в законе такие нюансы не прописаны.

Сироты и заключенные

Крайне неразговорчивый Леня держится особняком. Сорок лет он провел в тюрьмах и лагерях. Даже пенсионером стал «на зоне»: когда Лене исполнилось шестьдесят, администрация учреждения, где он отбывал свой последний срок, оформила все необходимые документы. В ночлежке даже удивляются: после сорока лет на нарах Леня получает такую же пенсию, как старушки, всю жизнь вкалывавшие в леспромхозах.

Места лишения свободы — стабильный канал притока новых постояльцев:

— Нам часто звонят прямо из зоны, — рассказывает Пушкарев. — В порядке вещей спросить: «Через три месяца освобождаюсь, можно к вам, а то больше некуда?» Отвечаем, что можно. Не все, правда, в итоге задерживаются.

С недавно объявленной амнистией ждут очередного пополнения.

К бывшим зекам в ночлежке отношение настороженное. Первое время с ними, по словам Пушкарева, особых проблем не возникает. Но потом некоторые начинают куролесить: употреблять алкоголь, что строжайше запрещено правилами, пытаются насаждать уголовные понятия. Все это жестко пресекается, на что бывшие заключенные реагируют по-разному. Случалось, на сотрудников ночлежки кидались с кулаками или с ножом.

Еще одна группа постояльцев — бывшие воспитанники детских домов. Региональные власти обязаны обеспечить их жильем, но [делают](#) это не всегда оперативно. Кроме того, выпускников детских домов нередко отнимают квартиру «черные риэлторы». Жертвы квартирных афер, к слову, часто попадают в ночлежку. Как отмечает Пушкарев, среди них встречаются не только бывшие детдомовцы или алкоголики. Был, например, даже один врач «скорой помощи».

С выпускниками детских домов, у сотрудников ночлежки тоже немало хлопот. Например, недавно к ним пришел бывший детдомовец, несколько лет живший в теплотрассе. У него запущенный цирроз печени: врачи дают молодому человеку два-три года. Сейчас ему оформляют инвалидность, а с ней надеются пристроить в стационар, где тот сможет хотя бы напоследок пожить в человеческих условиях.

Во время беседы с корреспондентом «Русской планеты» Пушкареву позвонили и сообщили, что другой его подопечный, тоже из числа детдомовцев, задержан в отделе полиции, куда пошел восстанавливать документы. В чем там дело — пока не известно. Бездомный мог находиться в розыске за прежние какие-нибудь правонарушения, а мог и оказаться без вины виноватым.

Работа с риском для жизни

В ночлежке — три сотрудника, не считая добровольных помощников из числа постояльцев. На постоянной основе они зарплату не получают. Пушкарев старается, по мере сил, платить им хоть что-нибудь из спонсорских пожертвований. Впрочем, одну ставку с окладом в 8 тыс. рублей обещает открыть департамент социальной защиты населения.

— Держимся на том, что все верующие, — говорит Пушкарев. — Работа тяжелая и морально, и порой физически, порой с риском для жизни. Без душевной потребности в таком служении сомневаюсь, что найдутся желающие нести этот крест за 30 или даже 50 тысяч в месяц.

Другой стимул — результаты. За три года через ночлежку прошло порядка 200 человек. И примерно треть из них, по оценке Пушкарева, смогла вернуться к нормальной жизни. Кто-то теперь работает в Москве, кто-то строит олимпийские объекты в Сочи, кто-то трудоустроился в Костроме.

Основной источник средств для ночлежки — пожертвования и гранты. Последний грант, выделенный на четыре месяца, уже закончился. Однако позволил построить котельную и закупить продукты на зиму. Недавно в Костроме прошел благотворительный вечер «Дорога домой». Собранные 40 тыс. рублей пойдут на оплату коммунальных услуг, еду и лекарства для постояльцев.

К спонсорским пожертвованиям можно приравнять и помощь городских и областных властей. При их участии был в свое время найден участок, на котором расположилась ночлежка. Власти регулярно снабжают приют дровами. А недавно городская администрация передала ночлежке списанный троллейбус. Его утепляют, устанавливают в салоне «буржуйку» и переделают в пункт обогрева для бездомных.

– Закупать бытовку, которая стоит 60 тысяч рублей, для нас накладно, вот мы и попросили городские власти помочь, — поясняет Пушкарев.

В будущем он хотел бы создать не просто ночлежку, а полноценную сельхозкоммуну. Она обеспечила бы бездомных не только жильем и прочим скромным набором материальных благ, но и работой. Однако пока на это нет денег.

Источник: kostroma.rusplt.ru